

КОНЦЕРТЫ

Вечер без афиш

Я знаю, что это имя может собрать тысячную аудиторию. Так было в Риге, так было в Минске, Баку. Недавно в музее Льва Толстого в Москве, на Кропоткинской, все уместилось в маленьком зале. Это был вечер без афиш. Такие вечера Вера Бальмонт давала и дает на общественных началах, когда ее просят, — в этом музее, в музее Чехова, в квартире-музее Гольденвейзера, на «Никитинских субботках». Вера Бальмонт читает Блока, Есенина, Цветаеву, Бальмонта (ее отец был братом поэта) — у нее около тридцати чтецких программ.

На этот раз она читала «Воскресение» Толстого.

Еще до начала концерта я смотрела на лица пришедших и думала: что привело их сюда? Вот они сидят, много пожилых, интеллигентных людей (хотя после стал известен диапазон: от профессора медицины до бухгалтера), много совсем молодых. Уйти от телевизора, от домашних забот, от прочих возможных радостей — зачем? Ей-богу же, можно взять в руки книгу и перечесть... Ах, наша лень, и нелюбопытство, и потребность во всем сиюминутной практической пользы! Скольких они лишают сколького!

Вера Бальмонт вышла и начала читать, и все стало понятно. Была большая гостиная,

куда собрались друзья и вот так, по-старинному, за чтением вслух, проводили время. В этом замечательном занятии заключалась радость общения, возвышавшая, одарявшая всех.

А чтение было прекрасное. Голос Веры Бальмонт, чистый, глубокий, богатый оттенками, богатый не только чувством, но мыслью, доставлял наслаждение. Вера Бальмонт читала, или, вернее произнесла, рассказывала о первом чувстве, возникшем между девятнадцатилетним молодым человеком и шестнадцатилетней девушкой, о черных, похожих на влажную смородину, глазах Катюши Масловой, о перемене, происшедшей с Нехлюдовым, когда он, перестав верить себе, поверил всем и стал жить, как все, и это явилось причиной несчастья другого человека и, в конечном счете, его собственного несчастья, — она рассказывала, и глубина толстовского постижения жизни переходила, переливалась в нас, слушателей. Не актерские приемы, даже не мимика — только человеческий голос был инструментом, который воссоздавал, может быть, самое важное, самое первое, что мы имеем: русский язык, язык Толстого...

Веру Бальмонт надо слышать.

О. КУЧКИНА.